təfərrüatları ilə nə qədər yad və uzaqdırsa, həm onun ifadə etdiyi maddi məzmun müstəvisində, həm də üslub aspektində səhvlərə, anlaşılmazlıqlara, təxmini tərcüməyə yol verilə bilər (6, s.268).

Sonda bir daha nəzərə çatdıraq ki vacibdirki, tərcümə zamanı tərcümə olunan klassik mətnin milli özünəməxsusluğunu və , xüsusilə, realiyaları nəzərə almaq lazımdır. Milli çalar şübhəsiz ki, əsərin məzmununda da, formasında da təzahür edir. Ona görə də tərcüməçinin əsas vəzifələrindən biri orijinalın təkrarolunmaz spesifikasını oxucuya çatdırmaqdır.

Bildiyimiz kimi bədii mətnin mükəmməl, adekvat tərcüməsinə nail olmaq üçün heç bir hazır qayda, siyahı yoxdur. Tərcüməçinin ən mühüm vəzifələrindən biri başqa dildə olan orijinalın oxucuya ideya xüsusiyyətlərini çatdırmaqdır.

Bu məqalədə Turgenevin "Atalar və oğullar" əsərinin bütün mətninin tərcüməsi ilə müqayisəli təhlilini verməyi qarşımıza məksəd qoymadıq. Buna görə də, əsərin bütün tərcüməsinin keyfiyyətini mühakimə etmək mümkün deyil. Yalnız onu qeyd edirik ki, Ə.Cavad və M.Rzaquluzadə təcrübəli, ciddi tərcüməçilər kateqoriyasına aiddir. Tənqidi ədəbiyyatda onların təkcə sözügedən əsər haqqında deyil, Turgenevin bir çox başqa əsərlərinin tərcümələri də yüksək qiymətləndirilmişdir.

Böyük rus yazıçısı İ.S.Turgenevin "Atalar və oğullar" romanının Azərbaycan dilinə tərcümələrinin təhlilinin yekununda belə qənaətə gəlmək olar ki, bəzi tərcüməçi qüsurları nəzərə alınmaqla, bütövlükdə bu tərcümələr uğurludur.

Ədəbiyyat

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. Изд.4-е М.: «Р.Валент», 2009, 360 с.
2. Мурадалиева Н.Б. "Красою вечною сиять…" (Проблемы перевода произведений И.С. Тургенева на азербайджанский язык). Монография, Баку: Языcы, 1986.
3. Turgenev İ.S.Atalar və oğullar (tərc. ed. M. Rzaquluzadə). Bakı: Gənclik, 1981, 197 s.
4. Turgenev İ.S. Atalar və oğullar (tərc. ed. Ə.Cavad). Bakı: Gənclik, 1929, 201 s.
5. Тургенев И.С. Отцы и дети. Каунас: ШВИЕСА, 1986.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. М.: Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002, 416 с.

Супранкова Татьяна Сергеевна
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь,Минск
tatsupr@tut.by

ЗАРОЖДЕНИЕ ФАУСТОВСКОГО СЮЖЕТА В «ИСТОРИИ О ДОКТОРЕ ИОГАННЕ ФАУСТЕ, ЗНАМЕНИТОМ ЧАРОДЕЕ И ЧЕРНОКНИЖНИКЕ»

Summary

The article examines the discovery of the specifics of the emergence of Faust-concept topics and its formation in the first-time occurrence version of the "Historia von D.Johann Fausten". The autor will analyze the main motives that will become an inseparable part of the following Faust-concepts in German and other national literatures.

Key words*: *Faust-theme; chapbook (Volksbuch); topos; mipholoгeme; Renaissanse.

В статье показана специфика возникновения топики фаустианы и ее формирование в первой по времени возникновения версии «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике», проанализированы основные мотивы, которые станут неотъемлемой частью последующих фаустиан в немецкой и других национальных литературах.

Фаустианская тема, сформировавшаяся в истории мировой литературы в эпоху Возрождения, оформлялась достаточно долго. Во многих национальных литературах древности можно найти архетип запрета и ее нарушения (Библия, апокрифы, «Прометей прикованный» Эсхила и др.). Во времена Ренессанса складывается цикл легенд о докторе Фаусте, который был одновременно и конкретной исторической личностью. Но легендарный образ Фауста в

литературе основывается далеко не на исторической конкретике, а скорее навеян древними преданиями о волшебниках, анекдотами о странствующих школярах и шарлатанах, сюда же наслоились и истории из средневековой церковной и демонологической литературы.

Подобное предание не зря появляется в тот исторический период, когда человечество стояло на пороге Нового времени, когда отходило в небытие Средневековье с теоцентрической парадигмой мышления. Как замечает российский германист Б.Пуришев, «подобная легенда овеяна дерзновенным духом эпохи, которая нуждалась в титанах и порождала титанов» [1, с. 196]. Этот сюжет овеян и ореолом трагичности, ведь герой, отказывающийся от небес ради земных знаний, по масштабности проблематики действительно восходит к эсхиловскому Прометею, страдающему за людей, или библейским Адаму и Еве, которые захотели познать сущность добра и зла.

«История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» («Historiavon D.Johann Fausten, demweitbeschreiten Zaubererund Schwartzkünstler»), известная еще как Народная легенда о Фаусте, вышла в свет в издательстве й. Шписа в 1587 г. во Франкфурте на Майне. Там главный герой был представлен как «человек пытливой мысли, стремящийся разбить цепи церковной догматики и схоластики, высоко ценящий подлинное знание, любящий жизнь со всеми ее греховными радостями и соблазнами» [2, с. 57].

Здесь показан персонаж, который стремится все постичь, используя науку и магию. Народная книга пытается преподать читателям моральный урок, осуждая поступки Фауста. Она пользовалась большим успехом с момента своего выхода в свет, многократно переиздавалась, уже со следующего года начала переводиться на английский (1588–1589), голландский (1592), французский (1598) и другие языки. К истории о Фаусте обращались и за пределами Германии. Им заинтересовался английский драматург Кристофер Марло, написавший «Трагическую историю доктора Фауста», 1604), который первым увидел в судьбе этого героя трагедию.

Особый интерес к образу Фауста возник в эпоху Просвещения. Одну из неординарных трактовок в русле просветительских идей дает немецкий критик, писатель и драматург Готхальд Эфраим Лессинг. Участников литературного движения «Буря и натиск» также привлек образ Фауста как героя дерзкого, бурного гения, сверхчеловека. С 1773 по 1775 годы Иоганн Вольфганг Гёте создает первый вариант своей драматической поэмы, которая условно называется «Прафауст» и которая станет фундаментом для первой части«Фауста»(1808). Под влиянием Гёте фаустовской темой заинтересовались другие сентименталисты, а впоследствии и романтики. Безусловно, известнейшей обработкой легенды является «Фауст» И.В. Гёте, в котором воплотилась вера немецкого писателя в человека и его творческий потенциал. Именно это произведение сейчас непосредственно или опосредованно будет влиять на дальнейшие фаустовские и антифаустовские модификации в мировой литературе.

Фауст действительно стал одним из«вечных образов» мировой культуры, многократно воплощенных в различных искусствах послегётевского времени, повлияв на другие национальные литературы и став олицетворением немецкого духа и образом западноевропейской цивилизации в интерпретации О. Шпенглера. Как замечает Г.В.Якушева, это «символ дерзания человеческого разума – и олицетворение сомнений в необходимости этого дерзания, памятник неукротимому стремлению к неизведанному – и постоянный “знак вопроса” о границах этого стремления, о пределах “дозволенного” при вторжении человека в жизнь Природы и Космоса» [3, С. 5]. Попробуем увидеть специфические особенности топосафаустианы в самой первой ее версии – народной легенде о докторе Фаусте.

«История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» имеет в подзаголовке указание, что часть изложенного записана из собственных посмертных сочинений [4, с. 35], что придает тексту документальность и достоверность. Неизвестный автор сразу подчеркивает особенность историй подобного рода: главный герой подписал договор с дьяволом. Этот мотив будет являться ключевым в дальнейших фаустианах. Особенность данной версии – осуждение безбожника за подобные действия и предупреждение другим людям: «в назидание всем христианам как устрашающий пример дьявольского соблазна на пагубу тела и души» [4, с. 35].

В начале, опять же для придания большей правдивости истории, дается биография доктора Фауста: сын добродетельных христиан, крестьянского происхождения, родился около Веймара, дядя помог с учебой в университете, ведь с юности главный герой имел «быстрый ум, падежный и приверженный к науке» [4, с. 38], получил степень доктора богословия, но у него была «глупая, вздорная и высокомерная голова, за что называли его всегда “мудрствующим”» [4, с. 38]. Также сообщается, что он попал «в дурную компанию, кинул Священное Писание за дверь и под лавку и стал вести безбожную и нечестивую жизнь» [4, с. 38]. Далее текст рассказывает о разрыве с религией Фауста: «не захотел он более называться теологом, стал мирским человеком, именовал себя доктором медицины, стал астрологом и математиком, а чтобы соблюсти пристойность, сделал врачом» [4, с. 38]. Фауст имел настоящий медицинский талант, ведь многим людям помог, но вместе с этим стремится изучать различные заклинания, что приведет его в итоге к встрече с Мефистофелем. Это еще одна черта фаустианы: многосторонне образованный человек недоволен своей ограниченностью и хочет постичь то, что запрещается человеческими и божественными законами.

С самого начала мы можем также наблюдать, что Фауст выбирает между добром и злом, от теологии и медицины до магии, а после от Мефистофеля снова хочет вернуться к Богу. Основной причиной подписания договора с чертом в Народной книге называется стремление Фауста к недоступным простым людям знаниям: «После того как я положил себе исследовать первопричины всех вещей, среди способностей, кои были мне даны и милостиво уделены свыше, подобных в моей голове не оказалось и у людей подобному я не мог научиться, посему предался я духу, посланному мне, именующемуся Мефостофилем, слуге адского князя в странах Востока» [4, с. 43].

В свою очередь злой дух должен исполнять все желания главного героя и отвечать на вопросы, которые никакая человеческая наука не могла объяснить. Например, Мефистофель рассказывает о местонахождении ада, о его жителях, обадских муках. Вместе с этим он отвечает в еретическом духе на вопросы о мироздании, небесных светилах, создании человека Богом. Взамен по прошествии двадцати четырех лет Фауст должен был отдать черту свою бессмертную душу. Эти аспекты также станут важной составляющей дальнейшей фаустианской топики.

Даже в Народной книге Фауст, заключив договор с чертом, не указан как абсолютно негативный персонаж, как персонификация зла. Время от времени в нем проявляются положительные черты: он раскаивается в том, что связывался с Мефистофелем: «о, горе мне горькое, также придется и мне, ибо и я – создание Божие, и мои дерзкие плоть и кровь стали проклятием для души и тела, соблазнили мои чувства и разум, так что я, творение Божие, отрекся от создателя и дал дьяволу уговорить себя и предался и продался ему телом и душой. Поэтому нет у меня больше надежды на милость, но подобно Люциферу и я буду подвергнут проклятию и вечным страданиям» [4, с. 49].

В целом же Народная книга отличается тем, что никогда не дается никакого шанса на прощение, с чем будут спорить следующие создатели фаустовских сюжетов.В заключительной части рассказывается, как один богобоязненный старик попытался вернуть Фауста на истинный путь: «не об одном теле, но о душе надо подумать, а не то ждет вас вечная мука и немилость Божия» [4, с. 89], и Фауст даже прислушался к этому совету, но его уже не отпускает Мефистофель. На двадцать четвертый год греховной жизни Фауст просит черта дать ему в сожительство Елену Троянскую, которая родила ему сына Юстуса, наделенного даром предвидения. После ужасной гибели Фауста они странным образом исчезли. Мотив с Еленой также станет частьюфаустианы.

В конце жизни герой сам настаивляет своих студентов не повторять его шаг: «..имейте же всегда пред очами Господа и молитесь ему, чтобы он защитил и сохранил вас от козней злого и не вводил вас во искушение; чтобы были вы преданы ему, не отступали бы от него, как я, нечестивый и окаянный человек, ибо я презирал его и отрекся от Таинства Святого Крещения, от Самого Бога, от всего небесного воинства и от людей... не допускайте же, чтобы общество дурных людей сбивало вас с пути, как это произошло и имело место со

мной. Посещайте прилежно и усердно церковь, сражайтесь с дьяволом и побеждайте его твердой верой во Христа и благочестивым поведением» [4, с. 100]. Это заключительная, очень важная в фабуле произведения сцена.

Как подчеркивает русская исследовательница фаустианы Г.Г.Ишимбаева, в последних словах героя можно увидеть единство противоречивых представлений его души: «я умираю как дурной и как добрый христианин: как добрый христианин, ибо я покаялся и в сердце своем прошу о прощении, чтобы спасти этим, быть может, свою душу; как дурной христианин, ибо я знаю, что дьявол хочет взять мое тело, и я готов охотно оставить ему это тело, лишь бы он оставил в покое мою душу» [4, с. 100]. Перед смертью Фауст покидает завещание и просит своего ученика Вагнера написать его биографию. Этот факт способствовал приданию большей правдоподобности его невероятным приключениям, о которых сообщается в книге. Финал рассказывает о «страшном и ужасном» конце Фауста: «вся комната была забрызгана кровью, и мозг прилип к стене, будто черти бросали его от одной стены к другой; да еще лежали глаза и несколько зубов» [4, с. 101], тело же его нашли «на навозной куче» [4, с. 101].

В книге поднимается вопрос о божественной предопределенности всего в этом мире. Неизвестный автор возлагает ответственность на самого Фауста, который отказался от Бога и дважды подписал договор с Мефистофелем. Как считает Г.Г.Ишимбаева, «точка зрения Иоганна Шписа на описываемые события совершенно очевидна: Фауст, сознательно отказавшись от Бога и вступивший в союз со злыми духами, должен быть наказан погибелью души и тела» [5, с. 23-24]. В предисловии указывается, что в книге будет продемонстрирован пример человеческой дерзости, самоуверенности и любопытства, которые могут послужить причиной отречения от Бога. В конце произведения автор еще раз напоминает, что нужно бояться Господа и избегать греховных дел, поэтому история Фауста должна стать примером для всех.

Несмотря на стремление автора осудить своего героя за безбожие, безверие и высокомерие, образ Фауста в книге имеет и героические черты. Согласимся здесь с мнением Б.И.Пуришева: «в его лице нашла отражение эпоха Возрождения с присущей ей жаждой большого знания, культом неограниченных возможностей человека, мощным бунтом против средневековой косности, обветшалых церковных норм» [6, с. 332-333]. А как отмечает литературовед В.А.Пронин, «с одной стороны, богоотступник Фауст заслуживает безусловного осуждения – с другой – он вызывает восхищение как человек, рискнул расширить людские возможности, преодолеть предел, который положен человеческого существования Богом» [7, с. 53–54]. Именно поэтому, предложив новому времени нового героя, легенда о Фаусте становится невероятна популярной, и, по мнению немецких исследователей В.Шпивока и Х.Лангера, «открыла человеческий и исторический тип, который был подхвачен и воссоздан во многих произведениях мировой литературы − от Марло и Лессинга, Гете и Гейне до Т. Манна» [8, с. 148].

Таким образом, Народная книга стала первой литературной обработкой легенды о Фаусте, написанная «в назидание всем христианам как устрашающий пример дьявольского искушения на гибель тела и души» [4, с. 35]. Ее целью было показать на примере подобного персонажа такие черты, как человеческая дерзость, любопытство и самоуверенность, характерные для концепции героя эпохи Возрождения, но, по мнению анонимного автора, именно они становятся причиной богоотступничества. В этом первом варианте фаустианы мы можем увидеть специфику ее топики: главный герой Фауст, который продал свою душу Мефистофелю ради получения запрещенных знаний, богатства и наслаждения; здесь прописан срок договора – 24 года, в течение которых черт исполняет все желания чернокнижника; впервые встречается образ Елены Троянской, самой красивой из женщин, которую предлагает чернокнижнику черт; несмотря на морализаторский тон книги, в ней также присутствует и авантюрное начало, взятое из народных шванков и анекдотов, что, безусловно, будет способствовать невероятной популярности книги.

Образ Фауста в Народной книге, по мнению исследователя В.М.Жирмунского, «выражает в зародыше те черты, которые в дальнейшем развитии сказания в творческой обработке Марло, Лесинга и Гёте могли сделать этот образ художественным воплощением отважных

поисков человеческой мысли» [9, с. 300], здесь намечается черты героя, который станет одним из «вечных образов» мировой культуры.

Литература

1. Пуришев Б.И. Немецкая литература после поражения Крестьянской войны // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Издательство «Наука», 1985, т. 3, с. 193–197.
2. История немецкой литературы / Н.А. Гуляев [и др.]. М.: Высшая школа, 1975, 526 с.
3. Якушева Г.В. Фауст в искушениях XX века: Гётевский образ в русской и зарубежной литературе / Г.В. Якушева. М.: Наука, 2005, 258 с.
4. Народная книга // Легенда о докторе Фаусте / отв. ред. Н.А. Жирмунская; пер. с нем. Р.В. Франкель. М.: Наука, 1978, с. 35−119.
5. Ишимбаева Г.Г. Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX в. / Г.Г. Ишимбаева. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014, 133 с.
6. Пуришев Б.И. Народные книги второй половины XVI века / Б.И. Пуришев // История немецкой литературы: в 5 тт. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962, т. 1, с. 328–333.
7. Пронин В.А. История немецкой литературы. М.: Логос, 2007, 384 с.
8. Шпивок В. Литература раннебуржуазной революции и территориального абсолютизма (конец XV − конец XVI века) / В. Шпивок, Х. Лангер; пер. с нем. Е. Маркович // История немецкой литературы: в 3 т. М.: Радуга, 1985, т. 1, с. 103 – 154.
9. Жирмунский, В.М. История легенды о Фаусте / В.М. Жирмунский // Легенда о докторе Фаусте. −М.: Наука, 1978. −С. 257−362.

Синило Галина Вениаминовна,
профессор кафедры культурологии факультета
социокультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, Минск
sinilo@mail.ru

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Summary

In this article, we consider the features and problem sofadequat e translation of biblical poetry in the unity of formand content. We emphasize the stylistic and rhythmic features of biblical poetry and show the role of J.G.Herder in the discovery of the Bible as a literary phenomenon, as well as in the development of the principles of translation of biblical poetry and, more broadly, the scientific principles of literary translation in his work "On the Spirit of Hebrew Poetry." We also investigate the features of the translations of the Psalms made by Herder, and the contribution of S.S.Averintsev to the development of his principles and translations of biblical poetic texts.

Key words: *Bible; biblical poetry; literary translation; principles of translation; J. G. Herder, S. S. Averintsev.*

Существуют особого рода тексты, выполняющие функцию «осевого» архетекста, вокруг которого та или иная культура выстраивает свои генеральные смыслы и в диалоге с которым порождает новые тексты. Под «осевым» архетекстом мы понимаем древний текст («текст-в-начале»), обладающий высоким аксиологическим статусом, чаще всего цитируемый, реферируемый, интерпретируемый и являющийся к тому же эстетическим эталоном (см. подробнее [7]). Такими текстами чаще всего оказываются для различных культурных ареалов Священные Писания: Веды для индийской культуры, Коран для мусульманской культуры, Библия для иудейско-христианской культуры, в том числе европейской.

Как известно, христианская цивилизация, а вместе с ней современная европейская вырастает на скрещении двух равномощных влияний двух культур Древнего мира – античной (прежде всего эллинской) и древнееврейской (библейской), и эти влияния накладываются в каждом отдельном ареале на автохтонные культурные традиции. Безусловно, и античная